DOI: 10.31249/rsm/2019.03.01

Н.А. Копылов

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В 1918 г.: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Аннотация. *Произошедшие в России в 1917–1920 гг. события оказали огромное влияние на судьбу многих стран и народов. Прежде всего это касается наций, входивших в состав европейских империй. С 1917 г. для них ключевым стал вопрос обретения собственной государственности, гарантом успеха в достижении которой был фактор наличия национальных воинских формирований. Для руководителей Чехословацкого Национального Совета, возглавившего борьбу за независимость, таковым стал формируемый в России Чехословацкий корпус. Сложившаяся в 20-е годы в советской историографии и во многом существующая в настоящее время концепция связывает пребывание чехословаков в России с «вооруженным мятежом» корпуса против советской власти. Мятеж, согласно этой концепции, был спланирован странами Антанты для начала Гражданской войны и иностранной интервенции, направленных на удушение молодой советской республики.*

Обращение к данной теме через призму военно-политических отношений России и руководителей чехословацкого движения за независимость с привлечением нового корпуса источников заставляет пересмотреть традиционные историографические оценки. Автор проводит анализ действий Чехословацкого корпуса (затем – легиона) в России периода 1917–1919 гг. на основе современных отечественных и зарубежных данных, отмечая своеобразное развитие отношения чехословацкого командования и политического руководства к революционным событиям 1917 г.: от нейтралитета до вооруженного сопротивления. Большое влияние на действия Чехословацкого легиона оказала внешняя политика большевиков, приведшая к формальному выходу России из Первой мировой войны и поставившая чехословацких военных в положение фактических заложников внутриполитического противостояния сторонников и противников революции, с одной стороны, и непримиримых противоречий в дипломатических отношениях России, Германии и Антанты – с другой. Выход был найден в форме вооруженного выступления против советской власти, которое представители союзников рассматривали как попытку восстановления антигерманского фронта в России, а чешские политические руководители – как обеспечение независимости будущей Чехословацкой Республики. Опираясь на факт участия в борьбе с большевизмом, чешские политики хотели получить максимум в вопросе об исторических границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже. Последовательное использование в дипломатической игре факта участия корпуса в антибольшевистской борьбе, в то время когда западные политики полагали, что

с его помощью удастся восстановить демократическую Россию, принесло ощутимую выгоду чехословацкой стороне в виде принятия западными державами почти всех ее требований относительно границ.

Ключевые слова: *Первая мировая война; Российская революция; Чехословацкий корпус; Парижская конференция; Гражданская война в России.*

**Копылов Николай Александрович – кандидат исторических наук,
доцент кафедры Всемирной и отечественной истории
МГИМО (У) МИД России, Москва. E-mail: n-kopylov@mail.ru**

N.A. Kopylov. The Revolt of the Czechoslovak Corps in 1918: Modern View on the Problem

Abstract. *The events which took place in Russia in 1917–1920 exerted a significant impact on the fate of many countries and the people. First, that concerns the nations which were part of the European empires. Since 1917 the issue of finding their own statehood, success in which would be guaranteed by the existence of national military formations, was the key one for them. The Czechoslovak corps formed in Russia became one for the heads of the Czechoslovak National Council, which led the struggle for independence. The concept currently existing in many respects and developed in the twenties in Soviet historiography connects the stay of Czechoslovaks in Russia with «armed rebellion» against the Soviet system as the factor of the launch of Civil war and foreign intervention, planned by the Entente, directed to stifle the young Soviet republic. A turn to this issue from the perspective of the military-political relations between Russia and heads of the Czechoslovak movement for independence with the involvement of the new case of sources forces one to reconsider traditional historiographic estimates. The author carries out the analysis of operations of the Czechoslovak corps (later, legion) in Russia of the period of 1917–1919 on the basis of modern domestic and foreign data, noting a peculiar development of the attitude of the Czechoslovak command and the political management towards revolutionary events of 1917, from neutrality to armed resistance. The great influence on actions of the Czechoslovak legion was exerted by the foreign policy of the Bolsheviks which led to a formal exit of Russia from World War I and put Czechoslovak military in position of actual hostages of internal political opposition of supporters and detractors of revolution, on the one hand, and irreconcilable contradictions in diplomatic relations of Russia and Germany and the Entente, on the other hand. The way out was found in the form of a military coup against the Soviet Power which representatives of the Allies treated as an effort to restore anti-German front in Russia, and the Czech political leaders as ensuring the independence of future Czechoslovak Republic. Based on the fact of the involvement in fight against the Bolshevism, the Czech politicians wanted to get the most regarding the historical borders of Czechoslovakia at the forthcoming peace conference in Paris. Sustainable use in the diplomatic game of the fact of involvement of the legion in anti-Bolshevist fight, when the western politicians believed that with its help it would be possible to restore democratic Russia, brought significant benefit to the Czechoslovak party in the form of acceptance of almost all its requirements by the western powers concerning borders.*

Keywords: *World War I; Russian revolution; Czechoslovak case; Parisian conference; Civil war in Russia.*

Kopylov Nikolay Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the MFA of Russia. E-mail: n-kopylov@mail.ru

В 2018 г. исполнилось 100 лет событиям Гражданской войны в России. Один из самых известных эпизодов тех событий – выступление Чехословацкого корпуса против советской власти в мае-июне 1918 г. – часто трактуется как отправная точка этой войны. Развернувшаяся по этому поводу в научном мире и обществе полемика показала преобладание традиционной, заложенной еще советской историографией интерпретации данной проблемы. Однако привлечение новых источников, прежде всего зарубежного происхождения, и анализ современной отечественной историографии позволяет дать иное объяснение этому событию, которое давно уже превратилось в своеобразный миф российской истории. Как справедливо отметил академик А.О. Чубарьян, «очень многие книги, выходящие в наше время под названием “исторической беллетристики” несут на себе печать именно такого опасного для общества дилетантизма... В особенности это относится к освещению событий XX века» [Чубарьян 2013, с. 57].

Уже летом 1918 г. в советской политической риторике выступление чехословацкого корпуса было определено как «мятеж», и эта оценка затем была закреплена как в публицистических, так и в военно-исторических работах, вышедших сразу после окончания Гражданской войны. В первом издании книги «Как сражалась революция» (1925 г., переиздана только в 1990 г.) ее автор, бывший подполковник Генерального штаба Н.Е. Какурин, назвал соответствующую главу «Чехословацкий мятеж и его значение для контрреволюционного движения на окраинах страны». Здесь же был закреплен тезис об активной помощи и непосредственном участии Антанты в подготовке чехословацкого выступления [Какурин 1990, с. 194]. Н.Е. Какурин во многом отталкивается от тезисов Л.Д. Троцкого [Троцкий 1923, с. 212–213]. Несмотря на последовавшее вскоре окончательное поражение последнего в политической борьбе, данная формулировка продолжала существовать и в последующие десятилетия.

Уже в конце 1920-х годов, когда широко отмечался десятилетний юбилей Октябрьской революции, в сборниках, посвященных событиям Гражданской войны на территории различных областей СССР, формируется довольно однозначная трактовка событий, связанных с выступлением Чехословацкого корпуса. Примером может служить высказывание участника борьбы с чехами и белогвардейцами в Поволжье, бывшего начальника 24-й стрелковой

Железной Самаро-Ульяновской дивизии Г.Д. Гая: «…в конце мая 1918 года в молодой Советской Республике к имеющимся внутренним фронтам прибавился еще новый Восточный фронт, на котором только что народившейся Красной гвардии пришлось столкнуться с многочисленным, отлично организованным и тактически подготовленным противником, выполнявшим широкие политические задачи, диктуемые из Парижа» [Гай 1928, с. 2].

Эту точку зрения автор развил в своем докладе 12 апреля 1933 г. на втором пленуме землячества Первой революционной армии Восточного фронта называвшемся «Чехословацкое восстание и зарождение первой революционной армии»: «…Антанта на второй же день октябрьской революции задумала и подготовила интервенцию, в том числе восстание чехословаков» [РГВА 873, л. 16].

Данная оценка событий стала господствующей в советском общественно-историческом сознании. В последней работе о выступлении чехословаков, изданной перед началом Великой Отечественной войны в 1940 г., по-прежнему «мятеж» корпуса против советской власти рассматривался как козни мирового империализма и заговор Антанты [Хрулев 1940, с. 98]. В послевоенный период эта точка зрения оставалась неизменной. Даже полвека спустя в советском научном мире присутствовала все та же традиционная парадигма: «В мае 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. Рядовые легионеры были обмануты буржуазным “национальным советом” и командованием корпуса, которые по указанию империалистов Антанты спровоцировали их на вооруженное выступление против Советского государства» [Щербаков 1965, с. 301].

Окончательно концепция заговора Антанты была оформлена в концепции, порожденной трудами известного советского историка А.Х. Клеванского, введшей в употребление популярный когда-то миф о «проданном корпусе» [Клеванский 1965, с. 124]. Следует отметить, что она подразумевает наличие четкого плана иностранной интервенции едва ли не с первых дней прихода большевиков к власти, а это, как отмечают современные исследователи, никакими достоверными источниками не подтверждается – скорее напротив, интервенция с позиций сегодняшнего дня видится явлением вопиюще неорганизованным, несогласованным, перенасыщенным случайными факторами и, наконец, постоянно меняющим свою практическую и идеологическую направленность [Захаров 2012, с. 77].

За прошедшее время положение в отечественной историографии чехословацкого корпуса в России практически не изменилось. Постперестроечные исследователи по-прежнему определяют причину интервенции по одной из ее целей: «Страны Антанты негативно отнеслись к приходу к власти в России большевиков и планировали их свержение». В связи с этим чехословацкий мятеж представляется как ударная сила выступления Антанты: «Да и сам

мятеж не был стихийным, а, напротив, тщательно подготовленным и управляемым Антантой». Очевидно, что отличие подходов советской и современной отечественной историографии незначительно. Цели интервенции, «ее побудительные мотивы остались прежними – свержение Советской власти. Изменились лишь ее последствия» [Левчук 1996, с. 145].

Подобный подход объясняется двумя факторами: во-первых, непривлечением к работе зарубежных источников и историографии, во-вторых, доминированием традиционного подхода к проблеме, рассматривающего события 1917–1918 гг. исключительно с российской позиции. Между тем Великая российская революция была и остается частью истории Европы, переживавшей в то время трагический период Первой мировой войны. Именно компаративный подход, основанный на современной теоретической базе, позволяет по-новому рассмотреть события столетней давности.

В основу современного моделирования причин выступления чехословацкого корпуса должен быть положен принцип, введенный в научное обращение японским историком Х. Вадой и заключающийся в том, что «…революция является комплексом четырех самостоятельных революций: революции буржуазии и широкого гражданского населения, революции рабочих и солдат, революции крестьян и революции национальностей. Каждая революция имела свою руководящую группу, свою организацию борьбы и свою особенную революционную цель» [Вада 1994, с. 194]. Эта теория во многом подтверждается высказыванием современного исследователя, развивающего теоретические положения Х. Вады: «Нам кажется, что в этой концепции прячется ответ на поставленный вопрос – польские, чешские, словацкие и югославянские волонтеры белых сил вдохновлялись, как это ни парадоксально, тоже вполне революционными идеями. Только их революция должна быть национально-освободительной в первую очередь и славянской во вторую» [Захаров 2012, с. 77].

Исходя из данных тезисов, следует отметить, что после Февраля 1917 г. отношение русских властей к чехословацкому вопросу начало меняться, хотя и не так быстро, как того хотелось бы чешской стороне, все более настойчиво заявлявшей о необходимости создания после войны независимого Чехословацкого государства.

7 (20) марта 1917 г. на митинге солдат и офицеров 3-го Чешско-словацкого стрелкового полка была принята резолюция о том, что «Чехия и Словачина» становятся самостоятельным государством, «временным диктатором» которого провозглашается профессор Т.Г. Масарик, а временным правительством – Чехословацкий национальный совет (ЧНС). Эта резолюция послужила основой для текста единой присяги на верность независимому государству «Чехо-Словации», которую принесли все чехословацкие вооруженные формирования в России. Таким образом, чехи и словаки поначалу отнеслись

к Русской революции как событию весьма благоприятному с точки зрения целей национального движения и поэтому активно ее поддержали.

В конце марта 1917 г. министр иностранных дел П.Н. Милюков и Военное министерство при участии французской военной миссии утвердили правила формирования чехословацких войск в России, тем самым положив начало созданию самостоятельных национальных вооруженных сил. В мае 1917 г. чехословацкие общества в России признали верховенство над собой парижского ЧНС во главе с Т.Г. Масариком на правах его отделения, определив главенствующей целью своей деятельности борьбу за провозглашение независимой Чехословацкой Республики.

В мае 1917 г. в Киеве прошел 3-й съезд Союза чехословацких обществ в России (СЧОР), большинство участников которого были делегатами военнопленных австро-венгерской армии, а также военнослужащих чехословацких вооруженных формирований в России. Съезд заявил о поддержке ЧНС и признал Т.Г. Масарика общенациональным лидером освободительного движения. Правление СЧОР было выбрано заново. Делегаты съезда также приняли решение продолжать войну с Германией и Австро-Венгрией до победы и образования независимого Чехословацкого государства. В соответствии с решениями съезда в России было учреждено отделение ЧНС. По этому случаю в Россию приехал Т.Г. Масарик, посетивший Петроград, Москву, а также Ставку Верховного главнокомандующего. Встречаясь с русскими официальными лицами, он стремился заручиться их согласием на формирование в России Чехословацкой армии, которая, по его представлению, должна была стать основой независимого государства.

Во время Июньского наступления Русской армии 1917 г. 1-я чешско-словацкая бригада отличилась в Зборовском сражении. Как потом отмечали апологеты чехословацкого возрождения, чешские и словацкие солдаты «показали чудеса храбрости и покрыли свои молодые знамена неувядаемой славой. Боем у Зборова они смыли свое рабство и получили полное право на свободу» [Драгомирецкий 1928, с. 32]. Заслуги чехов и словаков признавал и главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов, отмечавший, что посылал чехов в «самые опасные и трудные места», и они всегда справлялись с поставленными задачами [Брусилов 2004, с. 145].

К октябрю 1917 г. был сформирован Чехословацкий стрелковый корпус, насчитывавший около 38–40 тыс. человек. Его подразделения дислоцировались на территории г. Киева и Киевского военного округа. К этому времени чехи и словаки уже служили во французской, итальянской, британской и американской армиях, но в качестве обычных военнослужащих этих армий: ни в одной из них до той поры не были созданы отдельные национальные формирования. Поэтому ЧНС особенно дорожил Чехословацким стрелковым

корпусом в России как основой будущей армии независимой республики. Т.Г. Масарик в своих записках отмечал: «…в России была проведена огромная работа, и хорошая: мы возвращались домой не с пустыми руками, мы владели чем-то существенным и своим, у нас была своя армия – первый настоящий, хоть экстерриториальный оплот нашего будущего государства» [Чапек 2000, с. 132]. Такое отношение во многом предопределило действия самого Совета и командования корпуса, направленные на его сохранение как боеспособной силы в сложных условиях революционной России.

Российская революция быстро разочаровала руководящих деятелей чехословацкого национального движения, да и его рядовых участников, включая военнослужащих Чехословацкого корпуса. Временное правительство не смогло остановить разрастание экономического и социально-политического кризиса, а Русская армия стремительно теряла боеспособность. Многие задавали себе вопрос: можно ли еще рассчитывать на помощь России в борьбе за независимость чехов и словаков от Австро-Венгрии? Не рисковала ли сама Россия стать легкой добычей Центральных держав? Подобные вопросы заставляли Масарика и его сподвижников все больше полагаться на поддержку западных держав – Великобритании и Франции.

В октябре 1917 г. чехословацкое национальное движение, включая ЧНС и Чехословацкий корпус, официально заняло позицию нейтралитета по отношению к революционным событиям в России. В первую очередь для чешского руководства было неприемлемо то, что большевистское правительство, хотя и никем не признанное, от имени России вступило в переговоры с государствами Четверного союза, а в марте 1918 г. подписало с ними сепаратный мир, который не только не учитывал стремления чехов и словаков к независимости, но вполне мог на этом стремлении поставить крест. Известно, что на переговорах в Брест-Литовске советская делегация выступила с предложением гарантировать всем национальным меньшинствам, не пользовавшимся до мировой войны политической самостоятельностью, свободное решение вопроса о своей государственной принадлежности или самостоятельности путем референдума. Но это предложение решительно отверг министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин [см.: Шмераль 1968, с. 12]. Его заявление еще раз показало, что мнимая готовность правящих кругов монархии пойти на компромисс с представителями неполноправных национальностей является всего лишь вынужденным маневром и может смениться новой волной национальных преследований в случае, если положение Австро-Венгрии удастся стабилизировать [Шмераль 1968, с. 12–13]. В таком положении у руководства ЧНС не оставалось иного выбора, как добиваться независимости вооруженным путем.

Кроме того, Т.Г. Масарик, а также его ближайший сподвижник и будущий министр иностранных дел независимой Чехословакии Э. Бенеш, впо-

следствии указывали, чем было вызвано их неприятие октябрьских событий 1917 г.: «Наши люди, *тоже революционеры и солдаты* (выделено в тексте. – *Н. К.*), всем своим существом возмущались против *идеи диктатуры* (выделено в тексте. – *Н. К.)*. По своему характеру и воспитанию наш соотечественник не может перенести диктатуры в какой бы то ни было форме» [Бенеш 1928, с. 16–17].

Таким образом, чехословацкое национальное движение в России оказалось в конце 1917 г. в узком зазоре между двумя противоположными политическими силами, ни одна из которых не внушала ему ни доверия, ни уважения. Попытки антибольшевистских сил привлечь на свою сторону чехословаков не увенчались успехом. В октябре 1917 г. они ненадолго оказались участниками уличных боев в Киеве между большевиками и их противниками. Эти события, по словам современника, продемонстрировали «всеобщее безразличие, недоверие и уверенность в том, что тогдашняя русская организация была неспособна спасти положение» [Шмераль 1968, с. 18].

25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) по соглашению с французскими военными и гражданскими властями Чехословацкий корпус был причислен к вооруженным силам Франции[1]. Официальным к тому основанием послужило его стремление, в отличие от Русской армии, продолжать войну с Центральными державами на стороне Антанты. Эту перемену в статусе многие исследователи трактуют как полное подчинение командования корпуса, переименованного в декабре 1917 г. в Чехословацкий легион, французским приказам и распоряжениям. Однако это неверная трактовка событий. Высшее руководство Чехословацким легионом по-прежнему осуществлял Чехословацкий национальный совет, а точнее – его отделение в России. Оно и вело весной 1918 г. переговоры с большевиками о выводе легиона за границу. Т.Г. Масарик вспоминал: «Союзнические правительства признавали Национальный совет политическим органом нашего движения, а потому в военном отношении верховным командованием войска. Или, выражаясь иначе, наше войско было хотя и частью союзнической армии, однако оно было и войском автономным, подчиненным национальному Совету» [Масарик 1927, с. 88]. Поэтому представлять дело так, будто чехословацкое командование находилось в полной зависимости от французской военной миссии в России, как это делается в современной исторической литературе, было бы неверно.

В совокупности все указанные выше обстоятельства побудили ЧНС занять позицию нейтралитета в столкновениях между большевиками и их противниками, а также поставить перед союзными державами и советскими

1. 16 декабря (нов. ст.) 1917 г. был опубликован декрет президента Французской Республики Раймонда Пуанкаре об образовании автономной Чехословацкой армии во Франции [подр. см.: Чехословацкий корпус 2013, с. 897–901].

властями вопрос о выводе Чехословацкого легиона за пределы России. Но как соотносятся эти намерения с хорошо известными фактами, свидетельствующими о том, что именно вооруженное выступление Чехословацкого легиона против советской власти в мае 1918 г. привело к полномасштабной Гражданской войне?

Резкую смену политического курса чехословацкого национального движения советские историки объясняли контрреволюционными происками как самого командования Чехословацкого легиона, так и руководивших его действиями империалистических правительств Антанты. Это точка зрения попрежнему преобладает в современной отечественной литературе. Чтобы проверить, соответствует ли она действительности, необходимо обратиться к сравнительному анализу как отечественных, так и зарубежных, в первую очередь чехословацких, документальных свидетельств о событиях того времени.

18 февраля 1918 г. Центральные державы, разорвав перемирие, которое ранее заключили с советским правительством на время мирных переговоров в Брест-Литовске, развернули наступление по всей линии фронта от Балтийского фронта до Карпат. Даже после подписания и ратификации сепаратного мира с Советской Россией они продолжали занимать юго-западные губернии, на власть в которых претендовала Центральная Рада, правительство Украинской народной республики, признанное странами Четверного союза. Это заставило руководителей чехословацкого национального движения вывести свои войска из Украины, где они были дислоцированы. Но даже после перемещения на территорию Советской России чехословацкие военнослужащие не чувствовали себя в безопасности. Противники большевиков распространяли среди них слухи, будто советское правительство намерено расформировать и разоружить чехословацкие части, а затем – передать их личный состав австрийской и германской сторонам в порядке обмена военнопленными. Это не могло не беспокоить чехословацких солдат, так как в случае выдачи им грозила бы смертная казнь за нарушение воинской присяги. Вот что записал в черновиках своих воспоминаний капитан, будущий генерал чехословацкой армии, Р. Гайда: «После заключения Брест-Литовского мира чехословаки не могли больше оставаться в России. Этот мир, со стороны русских, был предательством нашей революционной войны против Австрии, и вынуждал нас или к тягостному, полному испытаний, пути вокруг света, новым страданиям и мукам, или к перспективе мира с Германией, который по своей жестокости не уступал бы Брест-Литовскому… Оставаться в России значило изменить всем революционным идеям чехословацкого народа и, кроме того, сдаться на милость победителя» [РГВА 1, л. 8 об.]. Следует отметить, что вопрос о судьбе чехословацких формирований действительно обсуждался на мирных переговорах в Брест-Литовске, а в дальнейшем был предметом пристального

внимания и рычагом политического давления на власти Советской России со стороны германского посольства в Москве.

В марте 1918 г. сложнейшие военно-дипломатические противоречия сплелись в тугой узел. В своих воспоминаниях известный дипломат и сотрудник британской разведки Р. Брюс Локкарт отмечал, что «период, когда большевики могли скорей всего пойти на соглашение с союзниками, был март 1918 года. Они боялись дальнейшего германского наступления. У них было мало веры в собственное будущее. Они бы приветствовали помощь офицеров союзных держав в воспитании новой Красной армии, которую тогда формировал Троцкий» [Локкарт 2016, с. 262]. Действительно, в тот момент дипломаты и военные представители Антанты в России, заявляя об опасности германской интервенции и предлагая советскому правительству союзную помощь, рассматривали подобный вариант воссоздания Восточного фронта мировой войны, однако ратификация Брест-Литовского мирного договора советским правительством положила конец этим мечтаниям. 8 марта 1918 г., выступая в палате депутатов, премьер-министр Франции Ж. Клемансо заявил: «Россия нас предала, но я продолжаю войну» [Вершинин 2017, с. 146].

Положение Антанты осложняло германское наступление на Западном фронте, развернувшееся 21 марта 1918 г. Чтобы отразить его, союзное командование остро нуждалось в дополнительных силах. Разумеется, союзники не могли не обратить внимание на Чехословацкий легион, обладавший большим боевым опытом и способный поэтому без промедления занять боевые позиции на фронте. 26 марта 1918 г. советское правительство в ответ на запросы со стороны чехословацкого и союзного командования дало согласие на вывод чехословацких войск из России. Следуя на восток по Транссибирской магистрали, они должны были через дальневосточные порты морем отправиться во Францию.

Впоследствии руководители чехословацкого национального движения, пытаясь объяснить причины, которые помешали выполнению этого плана, так оценивали сложившуюся ситуацию: «Чехословацкая добровольческая армия должна была проехать через территорию государства, в котором пылали революция и гражданская война, где были дезорганизованы транспорт и продовольствие, жители которого не имели ни малейшего понятия о существовании чехословацкой добровольческой армии. Наконец, это государство объявило своим лозунгом борьбу со всеми существующими правительствами, нарушило обязательства предшествующих правительств и, заключая мир с Центральными державами, объявило, что этот мир вовсе не означает прекращение борьбы с немецким империализмом. Поэтому вполне понятно, что все зависело гораздо больше от того, как разовьются взаимные отношения, как будут разрешены конкретные потребности чехословацкого добровольческого корпуса, среди которых более важную роль играл вопрос о переезде

через всю Россию, чем правовое положение. При таком положении нельзя все было свести лишь к техническим вопросам, ибо немаловажную роль играли также вопросы взаимного познания, такта и понимания, вопросы взаимных политических отношений, которые для чехов и словаков были важны еще и потому, что от них зависела вся дальнейшая политическая работа в России» [Папоушек 1928, с. 291–292].

К этому нужно добавить, что Германия тоже приложила руку к злоключениям чехословаков в России. Вступив в решающую битву на Западном фронте, она хотела воспрепятствовать переброске Чехословацкого легиона во Францию. Прежде всего она попыталась воздействовать на советское правительство дипломатическими методами. Локкарт отмечал, что с прибытием в Москву германского посла графа В. фон Мирбаха «перспективы войны между Германией и Россией стали отдаляться… С начала мая [1918 г.] ленинская мирная политика взяла верх даже среди тех большевиков, которые больше других протестовали против Брест-Литовского мира» [Локкарт 2016, с. 284]. Под давлением Германии советские власти принимают два взаимоисключающих решения, которые превращают чехословацких легионеров в своего рода «заложников обстоятельств».

Советское правительство окончательно определяет не Архангельск или Мурманск, а именно Владивосток конечным пунктом назначения чехословацких эшелонов, что на месяцы отодвигает сроки появления легионеров на Западном фронте. При этом к чехословакам предъявляется требование полного разоружения и немедленного устранения «контрреволюционного командного состава». Российское отделение ЧНС отказалось удовлетворить это требование. Советские власти, стремясь снизить накал страстей, пошли на некоторые уступки и поручили наркому по делам национальностей И.В. Сталину объявить новые условия: «Чехословаки передвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров» (на 1000 человек 100 винтовок и 1 пулемет). Одновременно в населенные пункты, где располагались чехословацкие части, а также на станции, через которые должны были следовать их эшелоны, была разослана директива с требованием «разоружить чехословаков во что бы то ни стало» [Иванов 1997, с. 9]. Это распоряжение создавало почву для недоразумений и даже конфликтов между местными советскими властями и чехословаками.

Вместе с тем под давлением со стороны посла Германии советские власти организуют во встречном направлении перевозку по железной дороге пленных немцев, австрийцев и венгров из Сибири в Европейскую Россию. Причем эта задача представляется им даже более важной, чем отправка чехословаков на восток. 21 апреля 1918 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин телеграммой сообщает местным советским властям: «Опасаясь японского

наступления в Сибири, Германия настоятельно требует немедленного и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в Западную или Европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие войска не должны продвигаться на восток» [Цветков 2001, с. 58]. С этого времени темп движения чешских эшелонов по Транссибирской железной дороге замедляется, они все чаще простаивают в своеобразных «пробках» на пути следования.

Местные советские власти объясняли эти простои отсутствием подвижного состава. Но чехословаки видели, что военнопленные немцы, австрийцы, венгры беспрепятственно следуют эшелонами во встречном направлении из Сибири в Европу. Раздражало их и то обстоятельство, что немцы и венгры, записавшиеся в интернациональные отряды, поддерживавшие советскую власть, вели себя с ними вызывающе. Чехословаки впали в подавленное настроение, о чем свидетельствует дневник подполковника С.Н. Войцеховского, начальника штаба 1-й чехословацкой дивизии: «Вчера наш комиссар показал мне телеграмму из Москвы: немцы боятся наступления японцев и требуют скорейшей эвакуации из Восточной Сибири своих военнопленных: движение наших эшелонов на восток распоряжением советских властей остановлено. Мне начинает казаться, что мы не попадем во Владивосток» [Волков 2001, с. 91]. Как далее пишет С.Н. Войцеховский, 1 мая 1918 г. чехословацкие солдаты, среди которых находилось немало сторонников социал-демократических идей, решили отметить праздник трудящихся и совершить мирное шествие по улицам города Челябинска с музыкой и песнями. Однако местные советские руководители не дали разрешения, мотивируя свой отказ тем, что чехи планировали пойти отдельной колонной, а не совместно с советскими гражданами. Это еще больше оттолкнуло солдат и офицеров чешского войска от большевиков [Волков 2001, с. 92].

Таким образом, в мае 1918 г. Чехословацкий корпус оказался, образно говоря, в положении «между молотом и наковальней». Его подразделения были разбросаны на большом расстоянии вдоль Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. Частично разоруженные, подвергавшиеся нападкам со стороны сибирских советов, легионеры желали только одного: как можно скорее уехать из России. Чтобы этого добиться, они были готовы пойти на любые крайности.

14 мая 1918 г. в Челябинске незначительный конфликт на бытовой почве между легионерами, с одной стороны, и военнопленными немцами и венграми – с другой, привел к столкновению чехословаков с местным Советом, который они, пользуясь превосходством в силах, разогнали. Этот инцидент был крайне болезненно воспринят в Москве. Он послужил основанием для ареста руководителей отделения ЧСН в России, а также приказа о полном разоружении Чехословацкого легиона. Соответствующее распоряжение на места

отправил нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий. В случае сопротивления он угрожал объявить чехословаков «вне закона». Попытка исполнить этот приказ привела к новым столкновениям легионеров с представителями местных Советов, которые в значительной мере стихийно переросли в общее выступление Чехословацкого легиона против большевистской власти.

Таким образом, чехословаки, сами того не желая, попали в самое полымя Гражданской войны в России. Летом 1918 г. они приняли активное участие в боях против Красной армии в Поволжье, а также против Красной гвардии и поддерживавших ее интернациональных отрядов немцев и венгров из числа военнопленных в Сибири.

На основании этих фактов можно прийти к выводу, что Чехословацкий корпус не по своей воле был втянут в водоворот гражданского противостояния в России. Он был силой обстоятельств поставлен в положение, из которого в любом случае не мог бы выйти без потерь как прямых, так и репутационных. Легионерам оставалось либо подчиниться воле союзных держав, которые весной 1918 г. приняли решение о начале военной интервенции в Россию и использовали Чехословацкий легион для решения своих политических и военно-стратегических задач, либо выполнить директивы Москвы и по сути дела добровольно стать заложниками ее конфликта с союзными державами. В первом случае они еще сохраняли надежду когда-нибудь с чувством выполненного долга вернуться в независимую Чехословакию, во втором – они лишались не только этой надежды, но и вообще ясных жизненных перспектив. В итоге они поступили в соответствии со своими представлениями о долге и личных интересах.

Положение Чехословацкого корпуса изменилось на рубеже 1918–1919 гг., когда, с одной стороны, выдохлась прямая военная интервенция союзных держав в Россию, не обеспечив ни восстановления Восточного фронта мировой войны, ни падения большевистской власти, с другой – победой Антанты закончилась наконец мировая война. Явочным порядком возникло Чехословацкое государство, которое 28 октября 1918 г. объявило о независимости от австро-венгерской монархии. Впрочем, молодое государство было вынуждено силой защищать независимость и свои границы, ведя тяжелейшие бои с венграми в Словакии и с поляками на севере Чехии. Эти события повлияли на умонастроения военнослужащих Чехословацкого легиона, которые все чаще задавали себе вопросы, почему они «застряли» в Сибири, если война закончена, а цель их борьбы – создание независимого национального государства – достигнута [Татаров 2005, с. 56]. После многомесячных непрерывных боев чехословацкие части были отведены с Восточного фронта русской Гражданской войны в тыл антибольшевистских сил, продолжавших борьбу с Красной армией. Союзным командованием перед ним была поставлена задача охранять

Транссибирскую магистраль. 15 января 1919 г. легион был преобразован в Чехословацкую армию в России, 1 февраля 1919 г. генерал Я. Сыровы назначен ее командующим.

Руководители Чехословацкой Республики понимали, в каком тяжелом положении находились чехословацкие войска на антибольшевистском фронте, однако ничего не предпринимали для их скорейшего возвращения на родину. Их участие в союзной вооруженной интервенции в России государственные мужи хотели использовать как аргумент в предстоящем политическом торге с державами Антанты на мирной конференции. Об этом свидетельствует директива, которую 17 октября 1918 г. отдал войскам Т.Г. Масарик: «Благодаря присутствию [в России] у нас будет сильнейшая позиция во время мирных переговоров» [Висьневский 2009, с. 133].

Президент Масарик и министр иностранных дел Бенеш полагали, что дальнейшее пребывание чехословацкого корпуса в России может оказаться весьма полезным для максимально благоприятного решения чехословацкого вопроса. В своих расчетах они не ошиблись. Об этом свидетельствуют ноты глав правительств союзных государств – Франции Ж. Клемансо и Великобритании Д. Ллойд Джорджа, – в которых оба выразили Масарику благодарность за действия чехословацких войск в Сибири. Лавры участников борьбы с большевизмом обоим чехословацким политикам нужны были для того, чтобы добиться от держав максимально благоприятного решения вопроса о границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже. 28 июня 1919 г. был подписан Версальский договор – первый в ряду мирных договоров по итогам мировой войны, закрепивших в международно-правовом отношении рождение независимого Чехословацкого государства и его границы с соседними странами. Его «отцы-основатели» могли с удовлетворением утверждать, что почти все их предложения и требования территориального характера союзными державами были приняты.

Выступление Чехословацкого легиона сыграло в некоторой мере роль детонатора Гражданской войны в России. Это не значит, что если бы не чехословаки, то этой войны можно было бы избежать. Это значит только то, что она началась именно так, а не иначе. И тем более нельзя дать оценку роли Чехословацкого легиона в истории Русской революции в отрыве от геополитической ситуации в Европе, да и в мире в целом.

Окончание Первой мировой войны, начало работы Парижской мирной конференции, заключение мирных договоров, целых три из которых имели самое прямое отношение к Чехословакии – Версальский, Сен-Жерменский и Трианонский, – все эти перемены глобального масштаба побуждали политических и военных руководителей Чехословакии думать в первую очередь о решении важнейших задач национального развития. На алтарь этой борьбы и принесли свои жизни и здоровье десятки тысяч бойцов Чехословацкого

корпуса в России. По данным новейших исследований, от его первоначальной численности 48 843 бойцов на 15 сентября 1919 г. боеспособными остались всего лишь 25 606 [Татаров 2005, с 59].

Таким образом, можно утверждать, что выступление Чехословацкого корпуса в мае-июне 1918 г. против советской власти, в российской историографии традиционно называемое «мятежом», необходимо рассматривать в совокупности с условиями Первой мировой войны, ставшими историческим фоном всех происходящих на рубеже 1917–1918 гг. политических событий. Также следует учитывать особенность восприятия чехословацким военно-политическим руководством, а также солдатами и офицерами корпуса развернувшихся в России событий, рассматривающихся ими через призму своей национально-освободительной революции, конечной точкой которой должно было стать возникновение самостоятельного Чехословацкого государства.

Библиография

Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. 1923. № 8–9. С. 16–35.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. 384 с.

Вада Х. Российские революции 1917 г. как комплекс революций в эпоху мировых войн // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 190–214.

Вершинин А.А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 140–157.

Висьневский Я. Чехословацкий военный корпус в Сибири во время Парижской мирной конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после окончания Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Тамбов: [б. и.], 2009. С. 132–139.

Волков Е.В. Дневник С.Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 2001. № 9. С. 90–108.

Гай Г.Д. В боях за Симбирск (краткий очерк Гражданской войны в губернии). Ульяновск: Типо-лит № 1 Коммун. треста, 1928. 57 с.

Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж – Прага: [б. и.], 1928. 221 с.

Захаров А.М. Славянские вооруженные формирования в России (1917–1920 гг.): «встреча двух революций» или «проданный корпус»? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). Ч. I. С. 74–85.

Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 6–24.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 248 с.

Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 393 с.

Левчук А.П. Еще раз о «преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): в 2 вып. Томск: Томский гос. университет, 1996. Вып. 2. С. 143–158.

Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2016. 365 с.

Масарик Т.Г. Мировая революция. Прага: Пламя-Орбис, 1927. Т. 2. 391 с.

Папоушек Я. Причины Чехословацкого выступления в 1918 году // Воля России. 1928. № 8–9. С. 287–350.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1.

РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Ед. хр. 873.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция: мат. и док. по истории Красной армии. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. 430 с.

Татаров Б.А. К истории чешско-словацких частей в 1918–1919 гг. // Белое дело. II съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в Гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М.: Посев, 2005. С. 53–60.

Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: Воениздат НКО Союза ССР, 1940. 148 с.

Цветков В.Ж. Мятеж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 5-61.

Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М.: МИК, 2000. 280 с.

Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М.: Новалис, 2013. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. 1016 с.

Чубарьян А.О. Навстречу новому учебнику // Родина. 2013. № 7. С. 56–75.

Шмераль Я.Б. Великая Октябрьская социалистическая революция и перспективы образования Чехословацкого государства // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918–1939. М.: Наука, 1968. С. 9–39.

References

Benesh E. Smysl cheshskoj revolyutsii. Volya Rossii. 1923. No 8–9. P. 16–35.

Brusilov A.A. Moi vospominaniya. comp. V.A. Avdeev, S.G. Nelipovich. Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyj mir, 2004. 384 p.

Chapek K. Besedy s T.G. Masarikom / trans. from Czech and not. by V.A. Martem'yanova; introd. art. by P. Dostala. Moscow: MIK, 2000. 280 p.

Cheshsko-slovatskij (Chekhoslovatskij) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy: 2 vol. Vol. 1: Cheshsko-slovatskie voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1917 gg. Moscow: Novalis, 2013. 1016 p.

Chubar'yan A.O. Navstrechu novomu uchebniku. Rodina. 2013. No 7. P. 56–75.

Dragomiretskij V.S. Chekhoslovaki v Rossii. 1914–1920. Parizh-Praga: [w. pub.], 1928. 221 p.

Gaj G.D. V boyakh za Simbirsk (kratkij ocherk grazhdanskoj vojny v gubernii). Ul'yanovsk: Tipo-lit N 1 Kommun. tresta, 1928. 57 p.

Ivanov A.V. K voprosu o prichinakh antisovetskogo vystupleniya Chekhoslovatskogo korpusa v 1918 g. Belaya armiya. Beloe delo. 1997. No 4. P. 6–24.

Kakurin N.E. Kak srazhalas' revolyutsiya: 2 vol. 2 ed. Moscow: Politizdat, 1990. Vol. 1. 248 p.

Khrulev V.V. Chekhoslovatskij myatezh i ego likvidatsiya. Moscow: Voenizdat NKO Soyuza SSR, 1940. 148 p.

Klevanskij A.Kh. Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyj korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. Moscow: Nauka, 1965. 393 p.

Levchuk A.P. Eshchyo raz o «predannom korpuse» (k voprosu o vozniknovenii chekhoslovatskogo myatezha). Iz istorii revolyutsij v Rossii (pervaya chetvert' XX v.): 2 vol. Tomsk: Tomskij gos. universitet, 1996. Par. 2. P. 143–158.

Lokkart R. Agoniya Rossijskoj imperii. Vospominaniya ofitsera britanskoj razvedki. Moscow: Algoritm, 2016. 365 p.

Masarik T.G. Mirovaya revolyutsiya: 2 vol. Praga: Plamya-Orbis, 1927. Vol. 2. 391 p.

Papoushek Y.A. Prichiny Chekhoslovatskogo vystupleniya v 1918 godu. Volya Rossii. 1928. No 8–9. P. 287–350.

Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA). F. 40169. Inv. 1. Un. 1; F. 28361. Inv. 1. Un. 873.

Shmeral' Ya.B. Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i perspektivy obrazovaniya Chekhoslovatskogo gosudarstva. Sovetsko-chekhoslovatskie otnosheniya mezhdu dvumya vojnami 1918–1939. Moscow: Nauka, 1968. P. 9–39.

Tatarov B.A. K istorii cheshsko-slovatskikh chastej v 1918–1919 gg. Beloe delo. II s'ezd predstavitelej pechatnykh i elektronnykh izdanij. Rezolyutsiya i materialy nauchnoj konferentsii. «Beloe delo v grazhdanskoj vojne v Rossii, 1917–1922 gg.». Moscow: Posev, 2005. P. 53–60.

Trotskij L.D. Kak vooruzhalas' revolyutsiya: mat. i dok. po istorii Krasnoj armii: 4 vol.; Vol. 1: Tysyacha devyat'sot vosemnadtsatyj god. Moscow: Vysshij voennyj redaktsionnyj sovet, 1923. 430 p.

Tsvetkov V.Zh. Myatezh. Chekhoslovatskij korpus na polyakh Grazhdanskoj vojny. Rodina. 2001. No 6. P. 5–61.

Vada Kh. Rossijskie revolyutsii 1917 g. kak kompleks revolyutsij v epokhu mirovykh vojn. Rossiya v XX veke: Istoriki mira sporyat. Moscow: Nauka, 1994. P. 190–214.

Vershinin A.A. Revolyutsiya 1917 goda v Rossii glazami frantsuzskikh politikov. Novaya i novejshaya istoriya. 2017. No 5. P. 140–157.

Vis'nevskij Ya. Chekhoslovatskij voennyj korpus v Sibiri vo vremya Parizhskoj mirnoj konferentsii 1919 g. Chicherinskie chteniya. Rossiya i mir posle okonchaniya Pervoj mirovoj vojny (k 90-letiyu okonchaniya vojny i podpisaniya poslevoennykh soglashenij). Tambov: [w. pub.], 2009. P. 132–139.

Volkov E.V., Dnevnik S.N. Vojtsekhovskogo: novye shtrikhi k vystupleniyu Chekhoslovatskogo korpusa v mae 1918 g. Belaya armiya. Beloe delo. 2001. No 9. P. 90–108.

Zakharov A.M. Slavyanskie vooruzhennye formirovaniya v Rossii (1917–1920 gg.): «vstrecha dvukh revolyutsij» ili «prodannyj korpus»? Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. No 5 (19): 2 vol. Vol. I. P. 74–85.